

НАТАША ДЯДИНА.

(Глава изъ романа «Иеромонахъ Илизъ».)

Свѣтиѣла ночь. И широкая полоса зодіакальнаго свѣта, протянувшаяся отъ горизонта до зенита, растекалась зарей по восточному небу. Въ застоявшемся воздухѣ горячихъ улицъ пахло испареньями жаркихъ тѣлъ, пивомъ и дымомъ дешовыхъ папиросъ. На улицѣ было точно въ непровѣтренномъ залѣ, изъ котораго только что вышли люди. Дыханье тополей струилось выпъзъ приторно-сладкимъ ароматомъ. Надъ городомъ свободно прогудѣлъ пароходный гудокъ. И въ наступившей тишинѣ молчаливо встревоженными казались бѣлые каменные дома съ темной водой оконъ.

Угловой домъ лѣсоотроговцевъ братьевъ Дядиныхъ—одноэтажный, съ причудливымъ, завитымъ кругами карнизомъ. Широкий раскидистый и бѣлый, онъ увѣренно вдавился угломъ въ крутой скатъ Сѣвзжей улицы. Книзу тяжелыми уступами спускалась толстая, тоже бѣлая, неуклюжая стѣна фруктоваго сада. За стѣною выстроились длиннымъ рядомъ подобранные, устремившіеся всѣми вѣтвями кверху платаны—строгое дерево, необщительное, настоящій солдатъ на часахъ. Тѣни отъ нихъ перегибались черезъ стѣны, точно брошенные вгороняхъ монашескія одежды. Видѣлся отсюда уголь Волги съ цвѣтными огнями бакаповъ, путеводныхъ и мачтовыхъ фонарей. Нѣкоторые огни медленно передвигались, и чувствовалось, что сине-сѣрая даль рѣки за грудой городскихъ домовъ текуча и зыбка.

Зеркальные окна дома Дядиныхъ темны. Въ саду тихо, безлюдно. Только на лавочкѣ у входной двери уже давно сидѣлъ младшій изъ братьевъ, Кузьма Ефимычъ Дядинъ, ждалъ изъ монастыря свою жену. Въ сѣрой коломенковой фуражкѣ и такомъ же пиджакѣ онъ почти терялся въ призрачномъ освѣщеніи ночи. Но все-таки, когда слышалъ издалека шаги, прятался во дворъ, тихонько открывая и закрывая калитку. Когда человѣкъ проходилъ, онъ снова садился на скамью и смотрѣлъ вдоль улицы напряженно и тревожно.

Съ неба и Волги повѣяло прохладой. Было звонко на пустой улицѣ. Стукъ калитки, шорохъ шаговъ, скрипъ смазанныхъ сапогъ Кузьмы—все шуршало межъ домами явственнымъ отголоскомъ. Кузьма старался не шумѣть, но изрѣдка забывался: въ раздраженіи назойливыхъ мыслей онъ опускалъ на колѣно туго сжатый кулакъ и велухъ говорилъ:

— Просто я дуракъ и ничего больше... Учить ее надо, подлячку!

Но самъ же пугался своихъ громкихъ словъ и оглядывался по улицѣ. Было ему стыдно за себя и казалась непонятной жена. Слова его были грубы и онъ смутно чувствовалъ,—не подходили къ тихой и большеглазой женѣ Паташѣ. Но велика была и нестерпима въ сердцѣ Кузьмы обида.

Поневолѣ Кузьма Дядинъ вспоминалъ весь этотъ годъ жизни съ Паташей, годъ, полный ревнивыхъ страданій и робкой, испуганной радости. Взять онъ ее изъ бѣднаго дома, у вдовы Жучкиной,—старшему брату неудовольствіе причинилъ бѣдной женой. Была Паташа смиренная, робкая, печальная. Съ перваго же дня совмѣстной жизни до послѣдней минуты было у Кузьмы такое настроеніе, точно онъ дурное дѣлаетъ, что живетъ съ Паташей. Она покорна, но холодна на ласки и глаза испуганы.

Не зная, въ чемъ обвинить жену, Кузьма страдалъ, ревновалъ, жаловался матери Паташи. Та приходила испуганная, раздраженная:

— Ужъ не обезсудь, Кузьма Ефимычъ. Молодая она, въ женщину не вошла еще...

А потомъ цѣлыми часами пилила дочь:

— Дура ты, дура!—Чего тебѣ, какого еще рожна надо послѣ такого-то мужа?! Да онъ молодецъ, да онъ красавецъ, богатѣй! Что жъ, ты, сука, о себѣ помышляешь?!

Кузьма и не радъ бывалъ тещину разговору, самъ заступался за жену:

— Ну ужъ вы, маменька, довольно! Что ужъ тутъ, довольно, говорю!

И вотъ недавно у Паташи появилось увлеченіе,—стала ходить въ монастырь къ отцу Иллѣ. Ожила, повеселѣла, стала съ Кузьмой ласковѣе, жалѣла его.

— Все-то ты въ копторѣ, да съ рабочими серднишься! Сходилъ бы въ монастырь со мной, красота какая, Кузьма! Бѣдниекій ты мой, Кузя!..

Радостно Кузьмѣ,—впервые такъ назвала его Паташа. Но не жалости хотѣлось ему, коренастому, плотному мужчине съ толстой бородой, которая лежала на губахъ и подбородкѣ, загибалась на шею средней величины ежомъ. Только не зналъ онъ, какъ достигнуть того, чего хотѣлось и вообще не понималъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Теперь Кузьма злился и ждалъ жену.

— Проучить ее надо!—бормоталъ онъ.—За полпочь шляется гдѣ-то. Кто знаетъ,—съ кѣмъ! Это ужъ, можетъ, и не монастырь. Страмить меня... Знакомые подемѣиваются...

Плотный ежъ бороды шевелился на выпущломъ лицѣ Кузьмы, сами собой напрягались мускулы тѣла. И съ сладкой злобой въ душѣ онъ мысленно бралъ Паташу на руки и не зналъ, что дѣлать: бить или снести на кровать, какъ малаго ребенка.

Паташа пришла тихая, умиленная, усталая. Увидѣла Кузьму на лавочкѣ, заволновалась:

— Ахъ, Кузя, ждешь! А мы по городу съ иконой ходили, только сейчасъ въ монастырь вернулись... Сходилъ ба и ты, Кузя! Батюшка велѣтъ женамъ мужей приводить.

Говорила Паташа, жалѣла и боялась Кузьмы, стояла въ нерѣшительности, какъ провинившаяся дѣвочка.

— Иди, ужь, иди!—со злобой сказалъ Кузьма, пропуская жену впереди себя въ калитку.—Дома поговоримъ.

Мужъ съ женой вошли въ большую половину дядинскаго дома, которую старшій братъ уступилъ молодоженамъ. Веѣ въ домѣ спали. Широкая передняя съ бѣло-дубовой вѣшалкой-шкафомъ, мебель гостиной въ бѣлыхъ чехлахъ. Изъ гостиной входъ въ кабинетъ Кузьмы, а за кабинетомъ спальня, гдѣ зеркала сумеречно отразили хрупкую фигуру Наташи и кряжистаго, слегка сутуловатаго Кузьму. Натертые воскомъ полы были гладки, тоже слегка темнѣли смутными зеркальными отраженіями, и половики скользили подъ ногами, какъ на льду. Въ комнатахъ пахло неистребимымъ природнымъ запахомъ Дядиныхъ,—острымъ солоноватымъ запахомъ здороваго тѣла съ тѣмъ единственныиъ и непооторяемымъ отгѣнкомъ, который отличалъ дядинскую породу. Запахъ этотъ всегда былъ Наташѣ непріятель.

— Ты сердишься, Кузьма Ефимычъ?—робко и устало спросила она.

— Гдѣ шляешься?—грубо спрашивалъ Кузьма, подходя къ женѣ вплотную.

Отъ запаха дядинскаго тѣла мужа, отъ его злого голоса и усталости у Наташи закружилась голова. Она сѣла на край кровати и умоляюще сказала:

— Я же въ монастырѣ была, Кузя!.. Да если ты не вѣришь, такъ сходи со мной. Ты поймешь тогда... Ахъ, Кузя!

— Нечего мнѣ понимать, ужь я все понялъ! Надо мной люди смѣются, говорятъ—жена у тебя по оврагамъ, да пустырямъ бѣгаетъ!—раздувая въ себѣ злобу, чтобы высказать все, говорилъ Кузьма.—А люди-та ужь замѣчаютъ!.. Смотри, я тебя убью, ежели что... вотъ передъ Богомъ говорю! Будь что будетъ.

— Я не виновата передъ тобой, Кузя. Я ничего дурного не дѣлаю,—устало говорила Наташа, неохотно раздѣваясь. Она всегда стѣснялась раздѣваться при мужѣ.—Ну, ты самъ посуди, вѣдь тысячи народу идутъ къ нему! Вѣдь зачѣмъ нибудь идутъ, Кузя? Какъ онъ служить, какъ говорить! Ангель съ небеси пришелъ къ намъ, несчастнымъ... Сегодня проповѣдь говорилъ, что его въ газетѣ обвиняютъ гады эти, кареспадентъ что ли, быдто жепница у него живетъ... Это его-та, батюшку Илію?! Ахъ вы, несчастные! Господи!.. А онъ и сказалъ...

Полунагая, она вдохновлялась и показывала, какъ онъ говорилъ, какъ сдѣлалъ рукой и какое у него было лицо. Кузьма слушалъ сердито и петерѣливо.

— Кто тебѣ дороже?—запальчиво спрашивалъ онъ въ новомъ приступѣ ревнивой злобы:—Я, или твой монахъ, Илья?!

Наташа, уже раздѣтая, привстала съ кровати, окрѣпла. Глаза ея засвѣтились въ сумеркахъ, какъ у кошки. Сказала презрительно и гордо, сама не узнавая своего голоса:

— Конечно, о нѣ мнѣ дороже! Какой же можетъ быть разговоръ...

Кузьма схватилъ жену за голыя, дѣтскія плечи, потрясъ ее, чувствуя въ рукахъ сладкое желаніе сломать, смять нѣжное тѣло. Но только толкнулъ жену на кровать, со стономъ отошелъ къ зеркалу, взглянулъ мимоходомъ на свое встрепанное отраженіе и со злобой крикнулъ придушеннымъ голосомъ:

— Тебѣ его морда правится,—вотъ и вся твоя молитва!

Наташа векочила гнѣвпая, какъ бы защищаясь голой рукой отъ повыхъ, еще несказанныхъ мужемъ словъ.

— Ты дуракъ, Кузьма Ефимычъ! За эти слова я тебя ненавижу!—сказала она съ гадливостью и вышла изъ спальни. Легла въ гостиной на диванѣ въ одной

рубашкѣ, почти голая. Кузьма раздѣвался въ спальнѣ, видѣлъ въ сумракѣ гостиной бѣлое пятно Наташина тѣла и злобно говорилъ:

— Лучше уходи ты отъ зла къ матери! Уходи, сука. А-то убью я тебя, потаскушку. Уходи!

— Я очень рада,—согласно отзывалась Наташа.—Завтра уйду.

Лежала и тихо плакала о томъ, что не знала, какъ ей быть съ Кузьмой. Жалко его было, но и тягостенъ весь укладъ богатой, но однообразной и гнетущей дядинской жизни. Въ душѣ у ней была только одна непреложная мысль и свѣтлая радость: отецъ Илія и монастырь. Что бы ни случилось, тамъ можно забыть всякое горе.

Наташа ужъ пачала дремать, какъ Кузьма тихо подошелъ къ ней, взялъ ее на руки горячій и жадный, цѣловалъ и шепталъ:

— Наташа, я тебя, вѣдь, люблю! Милая, дорогая ты мнѣ. Эхъ, Наташа!..

Она слабо отвѣчала на ласки. Только сказала съ сожалѣніемъ и тайнымъ испугомъ:

— Ахъ Кузьма, опять...

И прижатая щекой къ обнаженной груди мужа, она съ отвращеніемъ дышала запахомъ дядинскаго тѣла, когда онъ несъ ее по чистымъ свѣтлѣющимъ комнатамъ въ большую и богатую спальню.

С. К о н д у р у ш к и н ѣ .

Н. И. Бродскій.
«Пострадавшіе».